

Алексей Залесов

адвокат АП г. Москвы, патентный поверенный, управляющий партнер Адвокатского бюро г. Москвы «А. Залесов и партнеры», к.ю.н.

Неисполнение трансграничного лицензионного договора в условиях СВО Форс-мажор или нечто иное?

В комментарии к статье Антонины Шишановой и Виктора Калужского «Специальная военная операция и интеллектуальная собственность» (см.: «АГ». 2022. [№ 23 \(376\)](#), № 24 (377)) автор отмечает, что коллегами сделана попытка осветить актуальную проблему неисполнения во время и в связи со специальной военной операцией сторонами взаимных обязательств по договорам, связанным с объектами интеллектуальной собственности. Как справедливо отмечают авторы, таких ситуаций в настоящее время множество и относятся они в абсолютном большинстве к трансграничным договорам с участием российских предприятий.

Авторы не выделяют лицензионные договоры в качестве предмета рассмотрения, но очевидно, что именно лицензионные договоры составляют львиную долю трансграничных сделок в сфере интеллектуальной собственности (далее – ИС). Неисполнение договорных обязательств сторонами в условиях специальной военной операции (далее – СВО), как правило, связано с вмешательством органов власти иностранных государств, установивших запреты на различные виды сотрудничества с российскими организациями (так называемые санкции), а также с объективными трудностями проведения расчетов по сделкам ввиду административных ограничений (запрет на платежи по системе SWIFT для российских банков). Неисполнение санкций влечет за собой строгую юридическую ответственность (в том числе уголовную – для менеджеров), поэтому иностранные компании соблюдают санкции неукоснительно. Данный фактор в настоящее время сильно влияет на экономическую ситуацию в нашей стране, а возможные споры хозяйствующих субъектов в подобных ситуациях могут стать частым явлением.

Полагаем, что поднятые в статье вопросы о неисполнении договоров, носящих личный характер (например, договор авторского заказа), в связи с мобилизацией должника, носят больше демонстрационно-теоретический характер и в действительности сколь-либо существенно не влияют на экономический оборот в российских реалиях. Сделанное авторами правильное наблюдение о том, что мобилизация является условием непреодолимой силы, следует распространить на все ситуации, связанные с запретами, устанавливаемыми органами государственной власти, влияющие на исполнение договоров в отношении объектов ИС в условиях СВО (как со стороны иностранных держав, так и ответные действия Правительства Российской Федерации). Вместе с тем считаем, что предложенный авторами анализ неисполнения договоров с позиции российского права не может дать полную картину регулирования неисполнения международных контрактов в сфере ИС. Как показывает наша практика, подавляющее большинство трансграничных лицензионных договоров с участием

российских и иностранных технологических компаний по взаимному соглашению сторон подчиняется иностранному праву (чаще всего это право отдельных штатов США, среди популярных юрисдикций: Техас, Калифорния, Нью-Йорк и Делавэр, или право Великобритании, реже – право отдельных государств континентальной Европы). В качестве органа разрешения споров указываются суды этих юрисдикций или постоянные арбитражные органы, расположенные вне пределов России. В этой связи толкование СВО как условия форс-мажора и порядок разрешения связанной с этим конфликтной ситуации, конечно, находится вне пределов российского права. Поэтому подходы российских судов не окажут влияния на развитие данной ситуации.

Все императивные запреты и действия государственных органов, объективно препятствующие исполнению договоров (в частности, мобилизация должника), – это классические обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор), включение в контракт и применение оговорки о которых является стандартной практикой международных частных правоотношений, подчиняемых праву практически любых юрисдикций. События и действия, образующие форс-мажор, а также порядок признания их наступления (решение определенного арбитражного института, торгово-промышленной палаты и проч.), подробно изложены в институте обычного коммерческого права (*lex mercatoria*). Классический форс-мажор традиционно включает императивные запреты государства на осуществление действий, предусмотренных контрактом. Обычно ссылка на условие форс-мажора в контракте включает в себя, в частности, следующие явления, находящиеся объективно вне воли и влияния сторон договора:

- стихийное бедствие, включая, помимо прочего, пожар, наводнение, землетрясение, ураган или другое стихийное бедствие;
- **действия любого суверена**, в том числе война, вторжение, действия иностранных врагов;
- **военные действия (независимо от того, объявлена война или нет);**
- гражданская война, восстание, революция, реквизиция;
- уничтожение или повреждение имущества;
- **запрещающие распоряжения любого правительства, государственной или местной власти или наложение санкционированного правительством эмбарго или аналогичные действия;**
- забастовка, локаут.

Большинство иностранных юрисдикций разделяют взгляд на форс-мажор, принятый в *lex mercatoria*. Поэтому понимание того, что СВО является классическим форс-мажором, позволяет сделать обоснованный вывод, что данное условие трансграничного лицензионного договора вступит в действие и стороны будут временно освобождены от исполнения обязательства (до прекращения форс-мажора). Это временное освобождение от исполнения обязательств касается не только обязательств иностранного лицензиата, например, по предоставлению инжиниринговых, консалтинговых услуг в рамках договора, но и обязательств об уплате лицензионных платежей (роялти) со стороны российских лицензиатов. В этом смысле для юриста-международника временное неисполнение трансграничных лицензионных договоров в условиях СВО представляется хотя и негативным, но достаточно простым явлением. Это классический форс-мажор. Однако очевидно, что в данном явлении есть и «второе дно», которое связано с негативным отношением самих иностранных партнеров к будущему сотрудничеству с российскими фирмами в условиях СВО.

Интересной и сложной для правового анализа является проблема «добровольного» ухода иностранных технологических компаний с российского рынка, который сопряжен с неисполнением обязательств по тем лицензионным договорам, которые формально не попадают под санкционные ограничения. Такие действия, строго говоря, не могут

рассматриваться как обусловленные форс-мажором, а являются односторонним неисполнением договора со стороны лицензиара. В случаях если речь идет о простой лицензии на патент, т.е. всего лишь о разрешении на использование охраняемого объекта ИС (например, запатентованного в России изобретения), то российский лицензиат может продолжить его использование (например, продолжить выпуск на собственном производстве по запатентованной технологии). Выплаты роялти могут быть осуществлены в соответствии с действующим в условиях СВО законодательством РФ (например, в рублях на специальный счет). Однако обычно лицензионные договоры носят смешанный характер и предусматривают, помимо собственно лицензии на патент, также передачу информации и сопутствующую технологическую помощь. Неисполнение лицензиаром таких условий неизбежно поставит российского лицензиата в трудное положение.